

В тот момент, когда Фан Хуай опустил ресницы, многие присутствующие почувствовали нечто необычное.

Его аура - изменилась.

Несколько судей отложили телефоны, выпрямились и посмотрели на него с новым интересом. Жэнь Пин прищурился.

Перемена была не резкой, но явной. Если раньше Фан Хуай казался чистым, невинным и безобидным юношей, то в тот краткий миг, когда он закрыл глаза, что-то изменилось.

Мягкий свет заиграл на его ресницах, и он погрузился в тихую неподвижность.

Он не улыбался, лицо выражало сосредоточенность - но отвести взгляд было невозможно. Словно он внезапно обрёл необъяснимую притягательность. Огромное пустое пространство спортзала стало его владением, воздух замедлился, и даже пылинки в нём оседали мягко и плавно.

Фан Хуай не открывал глаз.

Когда зрение отключилось, слух обострился. Он слышал далёкий звук капель росы, скользящих по травинкам, гомон прохожих, лёгкие шаги бродячей кошки по черепице крыши. А затем все эти звуки растворились.

Казалось, он стоит в туннеле - шум города постепенно угасал, пока ветер с гор, знакомый ему с давних лет, не коснулся его лба. И тогда в памяти всплыла давно забытая мелодия.

Фан Хуай обожал петь.

Он действительно, искренне это любил.

"Песня детёныша" была лишь импровизацией, придуманной на ходу. Он исполнял её столько раз, что она стала частью его самого. Но это была далеко не единственная песня, которую он создал.

Совсем нет.

С детства вдохновение приходило к нему из неожиданных источников - мох на стене, дождь, стекающий с крыши, мягкий животик маленького зверька.

Бесчисленные мелодии проносились в его голове, и в этой глубокой тишине одна из них выделилась.

Нежная песня.

О слабом биении сердца и тихом дыхании. О внезапном летнем ливне в вечерний час. О жизни, что не сдаётся, даже родившись в самом крошечном существе.

Много лет назад, в дождливую ночь раннего лета, Фан Хуай нашёл маленькое животное.

Оно было грязным, его сердцебиение едва улавливалось. Но яркие, влажные глаза смотрели на него с неукротимым упрямством, а дыхание слабело с каждой секундой.

Той ночью, когда зверёк уснул, Фан Хуай сидел рядом, ожидая возвращения Фан Цзяньго. И в тот тихий момент в его сознании родилась мелодия.

Она сложилась быстро, сплетаясь в единое целое. За считанные мгновения она стала законченной песней.

Этой песней.

Юноша с закрытыми глазами слегка разомкнул губы и пропел первую строку:

- Когда каждая нить нежности вплетается в сон...

Лишь одна строка.

И словно электрический разряд пронёсся по комнате.

Судьи ощутили, как звук ворвался в их уши, вызвав дрожь, пробежавшую по спине!

Такой чистый, потрясающий голос - такой редкий, исключительный тембр. Ясный, но не слишком тонкий. Мелодия, подкреплённая его уникальным голосом, казалась бесконечной волной, оставляющей за собой долгий отголосок.

Одной строкой он увлёк всех в свой мир, настроив их на одну с ним частоту.

Словно тысячи родников разом хлынули в море.

Словно весь дождь мира обрушился в один миг.

Один судья чуть не выронил телефон. Другой поперхнулся водой. Глаза главного судьи невольно расширились от удивления.

Почти все в комнате видели то вирусное видео в интернете - все слышали "Песню детёныша".

Та песня уже была впечатляющей. Но тогда его голос не обладал такой ошеломляющей силой, как сейчас.

Фан Хуай развивался с невероятной скоростью. Или, быть может, это всегда была его настоящая сила?

Жэнь Пин замер на мгновение, а в следующую секунду его лицо побледнело, приобретя землистый оттенок.

Если бы это была лишь версия Фан Хуая с "Песней детёныша", он был уверен, что затмил бы его... но это - что это, чёрт возьми, такое?!

Теперь даже судьи смотрели на Жэнь Пина с лёгкой жалостью.

Песня Фан Хуая не относилась к народному или традиционному китайскому стилю; её мелодия тяготела к современной музыке. Но суть оставалась той же, что у Жэнь Пина, - чистота и нежность.

И в плане чистоты уникальный тембр Фан Хуая полностью превзошёл Жэнь Пина. По сравнению с его сборной из старинных мелодий песня Фан Хуая несла более глубокий, проникновенный смысл - мелодию, что отзывалась в душе.

Проще говоря, Жэнь Пин не просто проиграл - даже его предполагаемые сильные стороны обернулись слабостями перед божественным голосом Фан Хуая!

Лицо Жэнь Пина потемнело, приобретя зеленоватый оттенок. Казалось, ему только что врезали мощную пощёчину. Черты лица слегка исказились от зависти.

Если бы он не видел это собственными глазами, он бы заподозрил, что Фан Хуай подделывает голос. Как иначе это возможно? Рабочий-мигрант без формального обучения и профессиональной подготовки... назвать его гением было бы даже преуменьшением. Но почему именно он? Почему Фан Хуай оказался этим исключением, этой редкостью, случающейся раз в столетие?

Но Жэнь Пин быстро заставил себя успокоиться. Ну и что, что он хорошо поёт? У Фан Хуая нет никаких особых талантов, кроме этого, и он всего лишь бедняк. В эпоху, где правит капитал, нищий строитель не достоин даже чистить обувь Е...

Тем временем Фан Хуай продолжал петь.

Судьи были полностью очарованы - настолько, что больше не удостоили Жэнь Пина даже взглядом.

К третьей строке Фан Хуай наконец открыл глаза.

Он стоял в огромном тихом спортзале, его голос эхом отдавался слоями - словно сердцебиения и дыхание, резонирующие сквозь время. Его светло-янтарные глаза были чисты, будто умытые водой, и, когда веки медленно поднялись, в них заиграл мягкий свет.

Это была песня, которую он написал для того маленького зверька, о котором когда-то заботился.

Она называлась "Сердцебиение".

Судьи слушали молча - некоторые постукивали в ритм, другие закрыли глаза, смакуя мелодию.

И тут главный судья, словно осенённый внезапным воспоминанием, широко распахнул глаза. В памяти всплыла мелодия, которую он слышал два года назад за границей.

Пылинки медленно кружились в воздухе.

Пока Фан Хуай пел, время будто растянулось и замедлилось, увлекая всех в его уникальный ритм. На краткий миг они услышали это - далёкий стук дождя по крыше, слабый пульс сердцебиения, мягкий ритм дыхания.

Но мелодия вовсе не была скучной или однообразной. Она постепенно наполнялась эмоциями, переходя от первоначальной мягкости к медленно тлеющему теплу, словно сухие дрова, загорающиеся пламенем, - всё жарче и жарче, приближаясь к кульминации -

За секунду до припева Жэнь Пин внезапно громко и намеренно кашлянул.

- Время вышло, - мрачно сказал он, указывая на часы. - Две минуты.

Судьи: "..."

Фан Хуай: "..."

Песня оборвалась.

Спортзал, только что окутанный влажной атмосферой дождливого воздуха, мгновенно вернулся к своей обыденной пустоте. Тишина стала почти зловещей.

Один из судей хлопнул по столу и вскочил, вне себя от гнева:

- Ты что, черт возьми...

- Ладно, ладно, - быстро остановил его другой судья.

Поступок Жэнь Пина был, безусловно, возмутительным, но формально он был прав. Ограничение в две минуты действовало для всех участников, и продление для кого-то одного было бы несправедливым.

Но песня Фан Хуая полностью изменила их восприятие времени. Всего несколькими строками он перенёс всех в свой мир. Пол спортзала превратился в каменные плиты, воздух наполнился

ароматом горного дождя и вечерних ветров. Казалось, они погрузились в невероятно яркий, захватывающий закат после грозы.

И вот, когда припев был так близко - всё оборвалось.

...Если сказать прямо, ощущение было невыносимым. Словно тебя оставили на пике, не дав завершения. Словно... бессилие.

Неудивительно, что один из судей так разозлился. Многие другие тоже выглядели недовольными, но возразить им было нечем.

Неподалёку.

Пока Фан Хуай пел.

За пределами спортзала тихо остановился Майбах. Дверь машины открылась, и из него молча вышел мужчина.

Это был частный вход, заранее освобождённый от посторонних, так что вокруг не было ни души.

Из небольшой щели в ближайшей двери доносился уникальный голос юноши - он нёс в себе влажность раннего летнего дождя в горах, подхваченную свежим вечерним ветром. Это было невыразимо прекрасно.

Е Юйюань стоял неподвижно, не говоря ни слова.

Его взгляд слегка опустился, тёмные глаза затуманились лёгкой дымкой. В Наньчэне как раз цвели белые магнолии, и несколько лепестков упали ему на плечо - но Е Юйюань, казалось, этого не замечал.

Он слушал песню, молча и сосредоточенно.

Его секретарь, Ван Цян, стоял рядом, не осмеливаясь нарушить тишину. Он чувствовал, что эмоции Е Юйюаня... сложные.

Изначально они направлялись на деловой ужин, но остановились на полпути. Сначала, когда Е Юйюань услышал пение, он казался в хорошем настроении. Но чем дольше он слушал, тем мрачнее становилось его лицо.

Тем не менее песня была потрясающей. Даже сам Ван Цян невольно заслушался.

И вдруг Е Юйюань, молчавший всё это время, тихо произнёс:

- Эта песня называется "Сердцебиение".

Она была прекрасна.

Но написана не для него.

При этой мысли тёмные глаза мужчины потускнели, а тонкие губы сжались в прямую линию.

- Ох, - Ван Цян не совсем понял, но внимательно следил за выражением лица шефа.

- ...

Погодите.

Или ему показалось, или Е Юйюань выглядел... немного обиженным?

Предварительные прослушивания закончились. Фан Хуай и Жэнь Пин вышли из спортзала.

Пока они шли наружу, Жэнь Пин сверлил Фан Хуая мрачным взглядом, всё время убеждая себя: "Мы с ним даже не в одной лиге. Считать рабочего-мигранта своим соперником? Разве это не ниже моего достоинства?"

Фан Хуай: "...?"

- У тебя глаза болят? - подумав, доброжелательно заметил он. - Они немного покраснели.

И правда, они были красными - даже налитыми кровью. На них было больно смотреть.

Жэнь Пин: "...!"

Он что, намекал на его зависть?!

Его руки задрожали от ярости.

Другие участники снаружи не знали, что произошло внутри. Увидев, как они вышли с такими странными выражениями лиц, многие не смогли сдержать любопытства.

Почувствовав на себе внимание, Жэнь Пин быстро взял себя в руки.

Его большой палец слегка потёр часы на запястье - ограниченную серию умных часов Ptañ, доставшихся ему чистой случайностью. Это прикосновение немного его успокоило. Выражение лица постепенно вернулось к высокомерию и гордости, он поправил воротник.

- Жэнь Пин, - к нему подошёл другой участник и подмигнул. - Ну что? Этот мигрант, небось, совсем провалился, да?

Улыбка Жэнь Пина на секунду застыла, но он выдавил:

- Да, полный провал.

...Фееричный провал!

Но он не мог это сказать. Какое унижение?!

- Не будем об этом, - Жэнь Пин небрежно махнул рукой, без колебаний соврав. - Брат Е пригласил моего отца на ужин сегодня вечером. Поэтому мне ещё нужно успеть вернуться и подготовиться.

- Ух ты, впечатляюще, - участник посмотрел на него с завистью.

Сказав это, Жэнь Пин мельком взглянул на Фан Хуая, ожидая увидеть на его лице восхищение или зависть.

Угол площадки был относительно пустым. Кроме Жэнь Пина и Фан Хуая, там было лишь несколько участников, разбросанных поодаль. После выхода с прослушивания Фан Хуай сел на одно из боковых кресел и замолчал.

Жэнь Пин стал ещё более самодовольным, решив, что Фан Хуай так завидует, что лишился дара речи. Но, приглядевшись, он увидел...

Глаза Фан Хуая были закрыты, дыхание ровное. Ресницы отбрасывали лёгкие тени на его светлые глаза, а уголки губ были естественно расслаблены.

...За две минуты он действительно уснул.

Неужели разговор был таким скучным?!

Жэнь Пин: "Я %?%#*..."

Ладно, подумал он.

Такой ничтожный человек, как Фан Хуай, жалкий муравей с самого дна, никогда в жизни не встретится с кем-то вроде Е Юйюаня. Может, он на самом деле чувствовал стыд и смущение, притворяясь спящим, чтобы избежать неловкости?

Подумав так, Жэнь Пин внезапно почувствовал себя лучше. Даже раздражение от того, что Фан Хуай затмил его на прослушивании, рассеялось. Участник рядом всё ещё с любопытством расспрашивал о Е Юйюане:

- Серьёзно? Вы правда ужинаете вместе? У твоей семьи действительно партнёрство с Ртаh?

- Возможно, в будущем будет, - Жэнь Пин нарочно говорил сдержанно. - Пока нет, но брат Е... возможно, ценит меня. Он часто приглашает моего отца на ужин.

- Чёрт возьми, круто!

Глаза участника расширились от удивления, его лицо выражало восторг, зависть и недоверие.

Жэнь Пин замер.

Простое упоминание того, что Е Юйюань его ценит, не должно было вызвать такой реакции, верно? Но лесть и восхищение окружающих всегда приносили ему огромное удовлетворение. Чем больше он купался в этом, тем оживлённее становился. Он нарочно сохранял небрежный тон:

- Да ничего особенного. На самом деле брат Е не просто ценит меня, он ещё и...

- Е... - пробормотал участник.

- Е?! - бровь Жэнь Пина дёрнулась.

Внезапно он понял. Всё его тело окаменело.

Позади него...

В образовавшейся вокруг тишине стоял высокий, безупречно одетый мужчина.

А в своих руках, бережно, словно величайшую драгоценность, он держал того самого юношу, которого Жэнь Пин только что назвал "мусором" и "жалким муравьём".

Юноша крепко спал, уютно устроившись у него на руках.

Движения мужчины были невероятно нежными, будто он держал самое ценное в мире сокровище. Но в резком контрасте с этой нежностью были его глаза.

Эти чёрные, холодные как лёд глаза смотрели на Жэнь Пина с равнодушным, отстранённым взглядом. После долгой паузы его тонкие губы слегка разомкнулись, в глазах мелькнула тень насмешки, и он тихо, почти пренебрежительно произнёс:

- Ценю тебя?

- ...А ты вообще кто?

Жэнь Пин полностью окаменел.

<http://bllate.org/book/17922/1717296>